

Философия

УДК 215

С.В. Деятова

МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются представления об особенностях развития современной христианской теологии, о ее взаимосвязи с наукой, разрабатываемые теологами – приверженцами критического реализма. В рамках этой концепции утверждается необходимость критического анализа и рационального обоснования источников и содержания теологических суждений и доктрин, а также сближения теологии и науки. Сторонники критического реализма считают такое сближение крайне необходимым и вполне возможным, уверенность в чем базируется, по их мнению, на философско-методологическом отношении между наукой и теологией, имеющими сегодня много общего. Вместе с тем фиксируются их специфические характеристики, исключающие возможность поглощения одного «партнера» другим. Одним из важнейших результатов взаимодействия теологии и науки видится возможность формирования наиболее адекватных представлений о действительности во всех ее формах и проявлениях.

Ключевые слова: христианство, теология, наука, критический реализм, язык, метафора, взаимодействие.

«Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. Религия на основе своей святости и законодательство на основе своего величия хотя и поставят себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым испытанием» [1. С. 75]. Эти мысли И. Кантом высказаны в знаменитой «Критике чистого разума» более двух веков назад, и речь шла о XVIII столетии, но и сегодня они не утратили актуальности. Более того, проблема «свободного и открытого испытания разумом» христианской теологии в последние десятилетия стала, по сути, центральной темой исследования рядом крупнейших западных христианских богословов. Не случайно их позиция в отношении того, какой должна быть христианская теология, называется «критическим реализмом». Ее сторонники – такие известные христианские мыслители, как создатель «неоклассической метафизики», американский философ Д. Хартсхорн; американский теолог и физик И. Барбур, английский теолог и биохимик А. Пикок; английский теолог и физик, член Королевского общества Д. Полкинхорн и др.

В XX столетии наука пережила удивительный и уникальный период. Авторитет ученого был сопоставим с авторитетом жреца. Всё, что говорилось и делалось от имени науки, принималось безоговорочно. Наука расценивалась как абсолютное благо – основа будущего счастья человечества. Далеко не все надежды, связанные с развитием науки, оправдались: довольно резко проявились не только позитивные, но и негативные последствия ее развития. Это и создание невиданных (и немислимых) прежде средств ведения войны, и экологические проблемы, и углубление разрыва между развитыми и развивающимися странами. Развитие науки не привело и к духовному совершенствованию человечества. Обещанное счастье – опять где-то впереди. Торжество сциентизма стало достоянием истории, тем не менее ученые продолжают совершать поразительные открытия. Жизнь людей пронизана достижениями научно-технического прогресса. Статус науки остается чрезвычайно высоким.

Хотя время господства сциентизма прошло, но тенденция смотреть на многое именно сквозь призму науки сохранилась и слова «наука доказала» остаются веским доводом. Не случайно в средствах массовой информации сомнительную информацию (определение места пребывания человека по фотографии, телекинез и пр.) нередко снабжают именно этим аргументом, а пресловутая реклама насыщена научной или наукообразной терминологией. Так что авторитет науки и сегодня почти абсолютен, а значит то, что противостоит или противоречит науке, вызывает, по крайней мере, подозрения на предмет истинности, прогрессивности и соответствия духу времени.

Стремлением сформировать у людей более адекватное мировоззрение и поднять престиж христианства в западном мире обусловлено повышенное внимание, проявляемое католическими и протестантскими теологами к проблеме «теология и наука». Более того, среди специалистов в этой области наблю-

дается довольно активное движение в направлении сближения теологии с наукой. Сторонники критического реализма считают такое сближение актуальным, крайне необходимым и вполне возможным, уверенность в чем базируется на том, что, по их мнению, в философско-методологическом отношении между наукой и теологией сегодня обнаруживается много общего, так что между «инсайтами науки и инсайтами религии есть совместимость» [2. С. 112].

Современная наука нередко имеет дело с непосредственно ненаблюдаемыми феноменами и процессами, и у нас есть все основания считать, что «ненаблюдаемость» отнюдь не синоним «несуществованию». Здесь мы исходим из установки о наличии у наблюдаемого явления причины, то есть того, что вызывает или обуславливает это явление. Такое «нечто» может быть недоступно наблюдению. История познания дает нам немало примеров, когда существование объекта сначала доказывается в теории, а затем обнаруживается в реальности, давая причинное обоснование наблюдаемым феноменам. (В частности, представление о существовании античастиц было развито П. Дираком в 1930 г., а первую античастицу (позитрон) экспериментально обнаружил в космических лучах К.Д. Андерсоном в 1932 г.; Х. Юкава в 1935 г. предложил гипотезу о существовании мезонов, открытых экспериментально в 1947 г.; бозон Хиггса был предсказан британцем П. Хиггсом в 1964 г. и обнаружен лишь в 2012 г.). Этим, кстати, подтверждается верность не только соответствующей теоретической гипотезы, но и эффективность, правильность научных методов. С наиболее абстрактными явлениями и понятиями, как известно, работают физики-теоретики и математики. И хотя они нередко рассуждают о «неведомых материях», эти ученые обладают, по сути, непререкаемым авторитетом.

В силу специфики объектов исследования науке нередко приходится удовлетворяться моделями, основанными на использовании аналогии неизвестного изучаемого с известным изученным. При этом ученый всегда помнит, что модель — только модель, и она никак не является абсолютом. С помощью моделей наука изучает реальные объекты, допуская при этом возможность изменения используемых при их описании моделей.

Современная наука приобрела удивительную особенность, наиболее ярко проявляющуюся в физике, в которой нередко изучается скорее взаимосвязь между составляющими теории терминами. Здесь устанавливается причинная связь между ними, «которая сама служит для характеристики этих терминов», «что является основой для приписывания им качества реального существования» [3. С. 25]. Естественно, что в ходе развития науки содержание понятий может меняться. Показательным примером здесь — электрон, считавшийся сначала частицей, а затем «обогатившийся» волновыми свойствами. Подобные изменения могут способствовать усовершенствованию теории, а могут привести и к ее элиминации. И это нормальный процесс развития познания, которое в результате предоставляет нам всё более адекватное знание.

Язык науки, прежде всего тех ее областей, которые объединены понятием “science”, зачастую по необходимости метафоричен, условен. Здесь уже классическим стал пример *кварков*, с их ароматом, цветом, очарованием, прелестью. Или — сравнительно недавно появившееся понятие «темной материи». Чему оно соответствует и вообще соответствует ли чему-либо в действительности? Степень языковой условности может варьироваться в зависимости от особенностей изучаемых объектов. Но какой бы она ни была, признание метафоричности языка науки никоим образом не служит причиной усомниться в способности ее описывать действительность. Постепенно те или иные теории и модели обретают всё большую достоверность, что позволяет описываемое в них соотносить с реальностью. При этом обращается внимание на то, что степень адекватности описания действительности не является универсальной. Она по-разному оценивается в каждом конкретном случае. Мы знаем сегодня, что разные уровни организации материи обладают своей спецификой, и, если следовать антиредукционистской установке (к чему призывают и многие ученые, и теологи — сторонники критического реализма), то мы признаем оправданность и даже необходимость дифференцированного подхода к оценке степени истинности научных теорий.

Разумеется, вышесказанным отнюдь не исчерпываются характеристики науки в методологическом отношении. В данном случае существенно другое. Как отмечают последователи критического реализма, все перечисленные особенности в той или иной степени присущи и христианской теологии.

Она также нередко вынуждена использовать модели для построения и обоснования своих доктрин. А когда речь идет непосредственно о Боге, то другого способа попросту нет. Главным отличием от моделей в науке здесь можно считать то, что модели, используемые в теологии, «имеют сильную эмоциональную функцию, вызывающую нравственный и духовный отклик» [3. С. 27].

Как и в науке, в теологии стоит проблема соответствия ее терминов действительности. Только язык теологии еще более метафоричен и условен, чем научный. Проблема условности теологического языка была осознана христианами мыслителями почти сразу после возникновения христианства. Результатом этого осознания стало появление апофатического (негативного) и катафатического (позитивного) богословия. В первом признается, что все наши языковые описания Бога несовершенны, и, соответственно, последовательно отрицаются все возможные его определения. А установка второго заключается в следующем. Если скоро у нас нет других средств описания Бога и его взаимодействия с миром, то пусть уж эти описания будут несовершенными, метафорическими, чем не будет вообще никаких. Сторонники критического реализма считают более продуктивным именно второй подход, замечая, однако, что, поскольку использование метафор неизбежно, то, как и в науке, в теологии следует стремиться к тому, чтобы даже при разговоре о Боге язык был как можно более реалистичным. При этом, по их мнению, нас не должно смущать наличие в христианской теологии разных моделей (например, статичного или динамичного Творца и завершенного или продолжающегося творения), разного содержания, в зависимости от исторического, социального, психологического и т. п. контекста, вкладываемого в одно понятие (например, Бог – Господь, Царь небесный, Источник мирового порядка, Верховный судья, Отец). Особенно существенно здесь то, что, несмотря на определенные изменения содержания наших метафор, мы тем не менее обращаемся к той же реальности, что и первые христиане – к Богу. Крайне важна и обеспечиваемая наличием языка возможность не только фиксировать религиозные переживания верующих, но и накапливать их, и делать достоянием всего человечества, обогащая его духовный мир.

Сопоставление языков науки и теологии принципиально важно в свете обсуждаемой проблемы. Проведение сравнительного анализа «между языком науки и богословия и уровнем их постулатов – это не чисто теоретическое рассуждение, а жизненно важный компонент для выяснения их взаимосвязи. Таким образом может быть установлен *modus vivendi* между наукой и богословием, отсутствие которого уже самым пагубным образом сказалось на нравственном и духовном здоровье человечества, живущего в XX веке» [3. С. 23].

Таким образом, теология стремится к наиболее полному и глубокому постижению Бога, но при этом она отдает себе отчет в ограниченности своих не только познавательных, но и «выразительных» возможностей. Эти принципиальные ограничения позволяют нам надеяться на получение лишь как можно более достоверных, но не полностью адекватных представлений о Нем.

Однако, как можно определить степень достоверности, когда речь идет о Боге, о глубоко личностных религиозных переживаниях?! Если использовать стилистику И. Канта, назвавшего свой век *веком критики*, то, по мнению сторонников рассматриваемого подхода, мы можем сказать, что наше время – время критического реализма. Это, в частности, означает, что прежние критерии истинности теологических положений (ссылки на Священное Писание, на веками формировавшуюся и устоявшуюся традицию и т. п.) сегодня не могут быть признаны удовлетворительными. Без критического анализа, без рационального осмысления теперь не принимаются ничьи мнения и никакие доктрины. Значит, встает вопрос и о рациональном обосновании теологических суждений.

Как и в какой мере это возможно? Конечно, Бог «не может быть подвергнут экспериментальным испытаниям ни одним из своих созданий» [4. С. 136]. Также очевидно, что в теологии элемент субъективности значительнее, чем в науке. Но если видеть в Боге личностное начало, то станет очевидным, что верующий человек испытывает специфические переживания (особые у каждой личности, в каждом конкретном случае), источником которых, однако, неизменно является именно Бог. Здесь уникальный, индивидуальный, личный опыт может быть соотнесен с феноменами «встреч с Богом», религиозных переживаний, свидетельства которых составили часть христианской традиции, воплотились и сохранились в ней. При помощи концептуальных конструкций, моделей, посредством метафорического языка теология отражает духовный опыт переживания и постижения Бога как на уровне конкретной личности, так и на уровне общества, и в истории, и в современности.

Так же, как в науке, в теологии существуют данные. Прежде всего, это – священные тексты, религиозные традиции, опыт, переживания. Так же, как в науке, теологические суждения обладают разной степенью значимости, обоснованности и достоверности. Возможно, в точности и строгости при отборе и проверке данных теология уступает науке. Тем не менее, и в теологии осуществляется такая проверка, сопровождающаяся подтверждением, исправлением, дополнением ее данных и устранением того, что этой проверке не выдерживает. В теологии всё, включая ссылки на Бога, должно оцени-

ваться по тем же общим критериям, какие использует наука при исследовании природной реальности, при анализе и оценке своих моделей, гипотез, теорий. Здесь имеются в виду критерии рациональности (экзистенциальной релевантности – совпадения, соотношения с данными, полноты, внутренней логичности, непротиворечивости, простоты), обоснованности (критерий адекватности) и плодотворности (продуктивности в отношении новых идей). По мнению теологов, «в случае с богословием к этому нужно прибавить критерий способности наделять смыслом существование каждого конкретного человека» [3. С. 105]. Подтверждением и свидетельством достоверности теологических суждений должна быть правильность выводов, оцениваемая на базе этих же критериев.

Теологи фиксируют основные параметры: подходы, языки, установки, объекты, – являющиеся ключевыми для соотношения теологии и науки и определения того или иного способа отношений между ними. Соответственно мы можем рассматривать их как автономные или согласованные подходы к действительности; различные или единообразные языковые системы; имеющие своим источником совершенно разные или сходные установки; обладающие каждая своим объектом исследования или описывающие один объект – действительность.

Можно выбрать в каждом из этих пунктов первую часть, сделать акцент на различиях и, значит, принять путь полностью независимого друг от друга развития теологии и науки, исключая возможность не только конфликтов, но и взаимодействия между ними. Однако последователи критического реализма считают значительно более продуктивным и перспективным второй вариант, ориентированный на согласованную деятельность этих важнейших областей культуры, в рамках которого они рассматриваются как вполне совместимые и даже взаимосвязанные подходы к действительности. Обе они стремятся к постижению природы и сущности универсума, включая человека с его специфическим внутренним миром. При этом теология рассматривает мироздание как божественный дар и пытается проникнуть в природу Творца и в его замысел, понять смысл и назначение творения. Коль скоро ставится вопрос о смысле творения, мы неизбежно должны предположить существование Нечто или Некто, осуществляющего некоторую деятельность, преследуя определенную цель. Ведь именно в целенаправленном действии и, в идеале, в достижении цели заключается смысл любой рациональной деятельности. При таком подходе субъект творения может представлять как высший разум, высшая сила, как «сущее», фундаментальная специфика которого может быть выражена через понятия «трансцендентности» и «имманентности» по отношению к миру. Соответственно, по мнению сторонников критического реализма, в действительности есть нечто, что заведомо находится за пределами объяснительных возможностей и компетенции науки, а значит, предоставляемая ею информация не дает полной картины мира. Эта полнота, с их точки зрения, в той мере, в какой это вообще возможно, может быть достигнута лишь при взаимодействии теологии и науки.

Итак, «теология может по праву претендовать на поиск истины под рубрикой критического реализма», в рамках которого утверждается необходимость рационального обоснования и научных, и теологических доктрин, направленных на постижение действительности, во все ее формах и проявлениях, в том числе и не поддающихся наблюдению и буквальному описанию [5. С. 14-15]. Используя модели, метафоры, концептуальные конструкции и схемы, теология совместно с наукой смогут формировать согласованную картину мира, определить место и назначение в нем человека. При этом мы вынуждены признать принципиальное несовершенство таких представлений, обусловленное ограниченностью наших интеллектуальных и лингвистических возможностей, а также тем, что мы, будучи частью мироздания, не можем выйти за его «пределы», посмотреть на него «со стороны» и увидеть его в целом. Но всё же это будет лучшая картина, которую мы можем получить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах. Т. III. М., Мысль. 1964.
2. Polkinghorne J. Science and Providence. Templeton Foundation Press. Philadelphia and London. 2005.
3. Ликок А. Богословие в век науки. М., ББИ. 2004.
4. Полкинхорн Д. Наука и богословие. М., ББИ. 2004.
5. Polkinghorne J. Quantum Physics and Theology: an Unexpected Kinship. Yale University Press. 2007.

*S.V. Devyatova***METHODOLOGY OF CRITICAL REALISM IN MODERN CHRISTIAN THEOLOGY**

The article is devoted to consideration of ideas of peculiarities of the development of modern Christian theology, elaborated by a number of famous catholic and protestant theologians – followers of critical realism. Within the framework of this conception the necessity of critical analysis and rational substantiation of sources and essence of theological statements and doctrines is confirmed, the necessity of rapprochement of theology and science is stated. Adherents of critical realism consider such rapprochement extremely actual, absolutely essential and perfectly possible. By their opinion, the confidence of this possibility is based first of all on a fact that now in philosophical and methodological sense there are many common features in science and theology. At the same time, their specific characteristics are recorded here, the presence of which excludes the absorption of one "partner" by another. One of the most important results of interaction of theology and science will be the possibility of formation of more accurate ideas of reality in all its forms and manifestations.

Keywords: Christianity, theology, science, critical realism, language, metaphor, interaction.

Девятова Светлана Владимировна,
доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский просп., 27 (корп. 4)
E-mail: welt1936@yandex.ru

Devyatova S.V.,
Doctor of Philosophy, Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovskiy pr., Moscow, Russia, 119991
E-mail: welt1936@yandex.ru